

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

9 $\frac{344}{5}$ 263.11

Т Р У Д Ы
ОТДЕЛА ВОСТОКА

ТОМ II

ЛЕНИНГРАД · 1940

КАРАСАКПАЙСКАЯ НАДПИСЬ ТИМУРА

Когда Тимур предпринял свой поход против золотоордынского хана Тохтамыша и войска его достигли в пятницу 23-го числа месяца джумади-первого местности Улуг таг, Тимур взшел, по словам Низам-ад-дина Шами, на вершину горы и осмотрел местность. „Это была степь, а в степи — пустыня. Он остановился там на тот день и приказал, чтобы все воины принесли камней и построили там высокий знак. Камнетесам он приказал изобразить на нем высочайшее имя и дату этих дней, дабы на лице времени осталось воспоминание об этом походе“.¹

Этот памятник, сооруженный в последних числах апреля 1391 г., сохранился и был недавно открыт у горы Алтын Чуку близ Карасакпайского рудника в Казахской ССР, а каменная глыба с высеченной на ней надписью была доставлена в Государственный Эрмитаж, где она и хранится в настоящее время.

Всего на надписи можно различить одиннадцать строк. Из них восемь писаны знаками уйгурского алфавита, а остальные три — арабскими буквами.

Несмотря на то, что надпись вырезана на неровной поверхности камня, местами сильно потрескавшегося, она в значительной своей части может быть разобрана.

Та часть надписи, которая писана знаками уйгурского алфавита, нами читается следующим образом:

1. *qara yeti yüz toqmaq oran-da qoi*
2. *yil yaz-niñ ara ai turan-niñ sultan-i*
3. *temür beg iki yüz miñ çerig bil-e ism-i ücün toqtamış qan (?) -niñ (?)*
4. *qanī-ya yoridī bu yer-ge yetip bel-gü bolsun tep*
5. *bu oba-nī qopardī*

¹ Перевод С. Л. Волина. Очень близкое к этому место имеется в сочинении Шереф-ад-дина Йезди, доступного нам тоже в переводе С. Л. Волина, и у Абд-ар-резака Самарканди в переводе Шармоу. Expédition de Timour-i-Lenk ou Tamerlan contre Toqtamische, стр. 104.

6. *t̄ri n̄isfat bergei in̄šall-a*
 7. *t̄ri il kīši-ge raxmat q̄ilyai biz-ni duu-a bil-e*
 8. *yad q̄ilyai*

ПЕРЕВОД

„В стране семисот черных Токмак в год овцы, в средний весенний месяц султан Турана Тимур бег шел с двумястами тысяч войска, имени своего ради, по кровь Тохтамыш хана. Достигнув этой местности, он воздвиг этот курган, дабы он был знаком. Бог да окажет правосудие! Если богу будет угодно! Бог да окажет милосердие людям! Да вспомнит о нас с благословением!“

При всей своей краткости надпись представляет несомненный интерес, прежде всего, как подтверждение достоверности вышеприведенных указаний нарративных источников, ибо год овцы, которым датирована надпись, в точности соответствует 1391 году, а указанный в надписи „средний весенний месяц“ приходится как раз на вторую половину апреля и начало мая.

Что касается названия Токмак, то таковое носила в первой половине XV ст. страна узбеков.¹ Название это, повидимому, монгольского происхождения, и в монгольских источниках его носит страна Кипчак и вообще улус Джучи.² В монгольской литературе это название появляется с начала XVII ст., но существовало у монголов, вероятно, и ранее. В разбираемой надписи страна эта называется страной „семисот черных Токмак“. Эпитет „черные“, равно как входящее в название число семьсот, необъяснимы и другим источникам неизвестны. Возможно, что под сотнями (*yüz*) следует понимать отдельные орды, вроде более поздних казахских *ulu žüz* 'Большая орда', *orta žüz* 'Средняя орда' и *kiši žüz* 'Малая орда', на которые распадалась впоследствии казахи. Возможно, однако, что семьсот является аналогией к другим числовым обозначениям в составе разных этнических наименований, вроде монгольского *dörben oirad* „четыре ойрата“ и т. п.

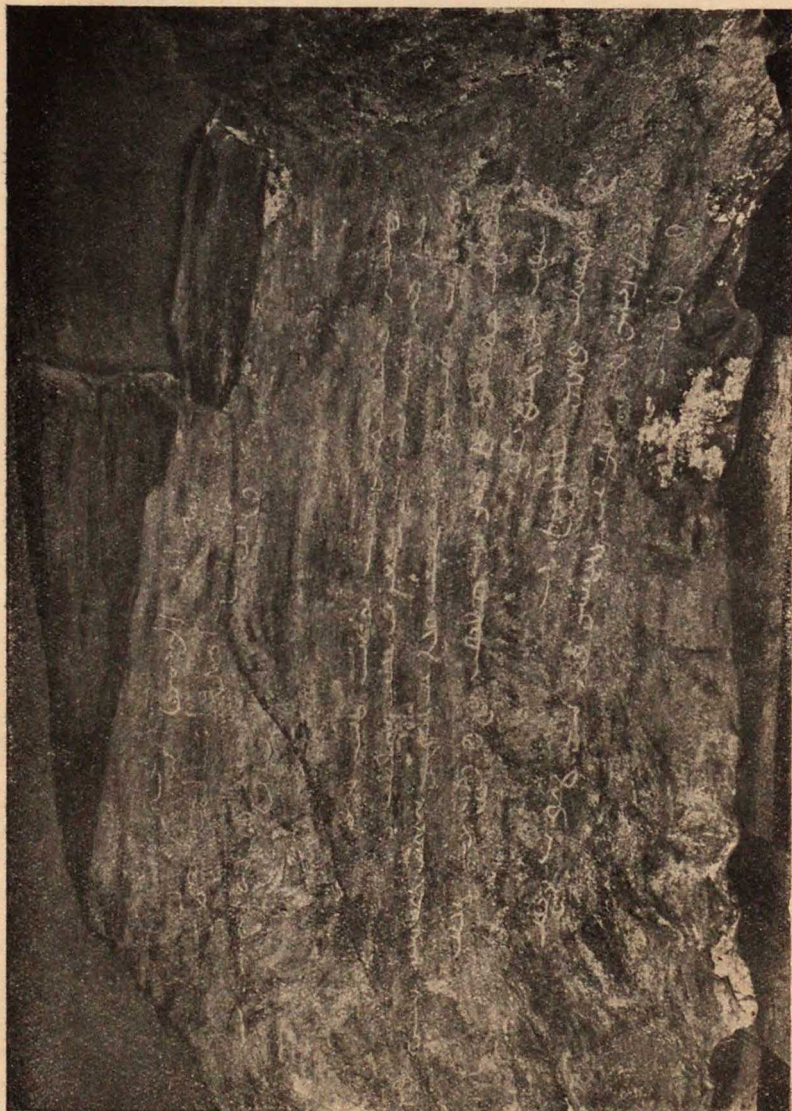
Обращают на себя внимание выражения *ism-i ücün* 'имени своего ради' и *toqtamiš qan-niñ qanı-ya* 'по кровь Тохтамыш хана'. Тохтамыш, как известно, в юности связывала с Тимуром дружба, но впоследствии они стали, по вине Тохтамыша, врагами. Тимур имел все основания считать себя оскорбленным, и это оскорбление могло быть смыто только кровью Тохтамыша, как об этом гласит надпись. Нужно, однако, сде-

¹ В. В. Бартольд. Улугбек и его время. Петроград, 1918, стр. 76, прим. 1.

² I. J. Schmidt. Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses von Ssanang Ssetzen Chungtaidschi. St. Petersburg, 1829, стр. 111.

Вид камня с надписью.

Текст надписи.

12

дать оговорку, что *qan-niñ* после имени *toqtamiš* читается очень неясно, но само имя Тохтамыша разбирается без всякого труда.

Хотя надпись написана уйгурскими буквами, язык ее — не уйгурский, но тот среднеазиатско-тюркский литературный язык, за которым в XV—XVI ст. упрочилось название чагатайского языка: достаточно указать на форму *qanī-ya* 'к его крови', типичную „чагатайскую“ (ныне североузбекскую), а не уйгурскую. Для языка надписи характерны многочисленные арабизмы: *ism* 'имя', *nisfat* 'правосудие', *inšalla* 'если богу будет угодно', *raḫmat* 'милосердие', *duu-a* 'благословение'.

Что касается надписи, сделанной знаками арабского алфавита, то она состоит из трех строк, из которых только первая, и притом самая неинтересная, может быть прочтена как *بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ*. Остальные строки прочтены быть не могут.

UNE INSCRIPTION DE TIMOUR

L'inscription de Timour, découverte auprès des mines de Karasakpai dans la République Soviétique Socialiste Kazakh, date du temps quand Timour marchait contre le khan Tokhtamiche en 1391. Cette inscription est faite en lettres ouïgoures dans la langue littéraire de l'Asie Centrale qui reçut au XV—XVI-e siècle le nom de langue Tchagataï. L'inscription correspond à celle qui est citée dans les oeuvres de certains historiens musulmans (Char moy. Expédition de Timour-i-Lenk ou Tamerlan contre Toqtamiche, p. 104).

N. Poppe

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

С О В Е Т С К О Е
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Е

III

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1945 ЛЕНИНГРАД

А. И. ПОНОМАРЕВ

ПОПРАВКИ К ЧТЕНИЮ „НАДПИСИ ТИМУРА“

В статье «Карасакпайская надпись Тимура»¹ — даются дешифровка и перевод уйгурской надписи на камне, найденном у горы Алтын-Чуку, близ Карасакпайского рудника.² О происхождении этого эпиграфического памятника автор статьи пишет:

«Когда Тимур предпринял свой поход против золотоордынского хана Тохтамыша и войска его достигли в пятницу 23-го числа месяца джумади первого местности Улуг-Таг, Тимур взошел, по словам Низам ад-дина Шами, на вершину горы и осмотрел местность: «Это была степь, а в степи пустыня. Он остановился там на тот день и приказал, чтобы все воины принесли камней и построили там высокий знак. Камнетесам он приказал изобразить на нем высочайшее имя и дату этих дней, дабы на лице времени осталось воспоминание об этом походе».³

Этот камень с надписью, поставленный воинами Тимура 28 апреля 1391 г., был спустя слишком 540 лет найден и доставлен в Государственный Эрмитаж.

На одной из сторон этого камня, не носящего на себе никаких следов обработки, на неровной с трещинами плоскости, размером около 80 × 40 см, высечено две надписи: верхняя — из трех строк арабским алфавитом и нижняя — из восьми строк уйгурским алфавитом. Расположение строк уйгурской надписи идет параллельно строкам арабской, т. е. горизонтально, а не вертикально, как ожидалось бы для уйгурского письма. Резьба надписи довольно мелкая, высота строки не выше 1 см, глубина резьбы в пределах 1,5—2 мм. Поэтому мелкие трещины на камне сливаются с буквами и затрудняют чтение.⁴ Длина первой строки уйгурской надписи 40 см, расстояние между первой и восьмой строками 18 см.

Издатель дает следующую дешифровку этой уйгурской надписи, язык которой, по его определению, чагатайский:

1. qara yeti yüz toqmaq oran-da qoi
2. yil yaz-niñ ara ai turan-niñ sultan-ı

¹ Труды Отдела истории культуры и искусства Востока. Гос. Эрмитаж, т. II, Л., 1940, стр. 185—187.

² Название рудника и, по его имени, надписи карасакпайскими неверно. Рудник называется Карсакпайским (см. Большой Джезказган. Тр. Казахст. базы АН, вып. VII, Л.—М., 1935, по указателю). Гора Алтын-Чоку (там же, стр. 334—335, 346 и карта на стр. 655) находится на расстоянии более 300 км от Карсакпайского рудника, к тому же на левом берегу р. Сары-су, тогда как Улутавские горы, где была остановка Тимура, находятся на правом берегу р. Сары-су. Было бы весьма важно точно определить место находки камня.

³ Автор не приводит полностью этой даты, имеющейся у Низам ад-дина Шами, а именно 793 г. хиджры.

⁴ Трещиной является, например, вертикальная черта в конце слова, читаемого издателем как *turan*; параллельная строке черта в начале слова *utir* — также трещина.

3. temür beg iki yüz miñ çerig bil-e ism-i ücün toqtamış qan (?)-niñ (?)
4. qanī-ya yoridī bu yer-ge yetip bel-gü bolsun tep
5. bu oba-nī qopardī
6. tğri nīsfat bergei inşall-a
7. tğri il kişi-ge rahmat qılıyai biz-ni duu-a bil-e
8. yad qılıyai

Надпись переведена так: «В стране семи сот черных Токмак в год овцы, в средний весенний месяц султан Турана Тимур-бег шел с двумястами тысяч войска, имени своего ради, по кровь Тохтамыш-хана. Достигнув этой местности, он воздвиг этот курган, дабы он был знаком. Бог да окажет правосудие! Если богу будет угодно! Бог да окажет милосердие людям! Да вспомнит о нас с благословением!»

Эту дешифровку нужно считать предварительной. Автор совершенно правильно определил общее содержание надписи. Перед нами действительно памятник, поставленный Тимуром во время его похода против Тохтамыша, о чем в надписи и говорится. Но некоторые частности надписи прочитаны неверно, некоторые сомнительно и требуют поэтому пересмотра. Древние надписи, как это уже отмечено в научной литературе, обычно не поддаются безошибочной дешифровке с первого раза.¹

Теперь на основе проделанной издателем большой и сложной работы мы можем внести некоторые исправления в чтение надписи. Так, мы иначе читаем первую строку, гласящую в его чтении; qara yeti yüz toqmaq oran-da 'В стране семи сот черных Токмак'. Издатель сам чувствует некоторую странность такой фразы. Находя примеры названия современных казахских степей в древности именем Токмак, он все же признает, что эпитет «черные», равно как входящее в название число «семь сот», не объяснимы и другим источникам неизвестны.² Для нас правильное чтение этой строки определяется правильным чтением первой буквы, которую он принимает за q и все первое слово читает qara — qara. Мы читаем первую букву как t . В подтверждение этого чтения достаточно сравнить ее с первым знаком 3-й строки в слове temür (см. фотографию) или с первыми знаками 6-й и 7-й строк в словах tğri. Все эти четыре знака совершенно тождественны. Читая же эту букву как t , мы все первое слово читаем как tariq .

Такое чтение подтверждается и начертанием последнего знака в слове, выгнутого дугой кверху и имеющего над собой точки (на фотографии они вышли слабо). Так обычно пишется конечное q в уйгурском письме. tariq — это уйгурская передача арабского تاریق : эра, эпоха, год, число и т. д.³ Этим словом в документах обычно начинается дата.⁴

Следовательно, в дальнейших словах надписи мы должны ожидать обозначение года, и, действительно, издатель читает следующие за tariq два слова yeti yüz 'семь сот'. Дальше, без сомнения, должно итти toqsap 'девяносто', и мы вновь видим, что он правильно читает, но только первую половину следующего слова, как toq, а дальше уже ошибочно таq вместо sap. Поводом к такому чтению послужил подстрочный зубец в этом

¹ А. Гаркави. Несколько замечаний об арамейской надписи. ЗВО, IV, стр. 83. См. еще: Б. Я. Владимирцов. Поправки к чтению монгольской надписи из Ерденидзу. ДАН, 1930, стр. 186—188.

² Труды Отдела Востока, т. II, стр. 186.

³ В ханских ярлыках русскому духовенству это слово приведено в форме «дарык» (В. В. Григорьев. Россия и Азия. СПб., 1876, стр. 229—239).

⁴ Например в ярлыке Тохтамыша от 795 г. х. и Тимур-Кутлуга от 800 г. х. (ЗВО, VIII, стр. 16 и 38).

слове, принятый за букву *m*, но сравнение этого зубца с соответствующими ему в словах *temür* (первое слово 3-й строки) и *toqtamıs* (10-е слово той же строки) показывает, что перед нами не *m*, а другая буква. Кроме того, для чтения *toqtaq* в конце слова недостает одного зубца. Мы принимаем подстрочный зубец за недостаточно ясно выраженную букву «s» и все слово читаем ~~توقتا~~ *toqsan* 'девяносто'. Следующее слово, прочитанное как *ogan-da* 'в стране', нужно читать, конечно, как ~~یچن دای~~ *ičn-dä* 'в третьем', тем более, что в начертании слова достаточно ясно выражено начальное *ö-ü*, а не *o-u*.

Таким образом, первая строка читается нами так:

صحتر تارک دهر صفتین صدت ص

tarıq yeti yüz toqsan üčn-dä

«В лето семь сот девяносто третье».

Дальше идет правильно прочитанное продолжение даты по монгольскому циклическому числению «в год овцы» и т. д.

Второе исправление мы вносим в чтение фразы «по кровь Тохтамыш-хана». В транскрипции этой фразы *toqtamıs qan-nıñ qanı-ya* издатель после слов *qan* и *nıñ* ставит знаки вопроса, по неуверенности в чтении (по фотографии эти слова совсем нельзя читать). На камне в этом месте находится впадина, через которую проходит надпись, и там эти два слова читаются следующим образом: ~~قان~~ и ~~بولغار~~ *qan¹* и *bulğar*. Следовательно, вся фраза в переводе будет «против хана Булгарии, Тохтамыш-хана».²

Считаем нужным высказать свое сомнение в правильности чтения следующих мест надписи: *aga* 'средний' (4-е слово 2-й строки) — черта в конце этого слова отогнута книзу, и над ней имеется точка, это не дает возможности читать *aga*, хотя такое чтение наиболее подходяще по контексту; *iki* 'две' (3-е слово 3-й строки) — в начертании этого слова нельзя найти ни *k*, ни конечного *i*, скорее это ~~یک~~ *üč* 'три'; *ism-i* — с этим чтением совершенно невозможно согласиться. Больше подходит чтение *islam*, на котором мы все же не настаиваем.

¹ На камне собственно *qanı* — явная описка.

² Волжская орда, в которой Тохтамыш был ханом, обычно называется нами «Золотой ордой», но имя «Золотая орда» не было известно современникам этой орды. Оно впервые появилось, когда сама орда уже не существовала — во второй половине XVI в., и только в русской литературе. В восточной литературе этого имени вообще не встречается.

А.П.ГРИГОРЬЕВ, Н.Н.ТЕЛИЦИН, О.Б.ФРОЛОВА
(Санкт-Петербург)

Надпись Тимура 1391 г.

I

Надпись на каменной плите, высеченная по распоряжению верховного правителя в Самарканде Тимура (1370–1405) во время его карательного похода, осуществленного в 1391 г. против золотоордынского хана Тохтамышша (1378–1395), подвергалась научному изучению сравнительно недолго. Дело в том, что плита с надписью Тимура стала доступной для исследования только после доставки ее из Казахстана в Государственный Эрмитаж в Ленинграде (Санкт-Петербурге) в конце 1936 г.

Первым изучал надпись Тимура российский востоковед, член-корреспондент АН СССР Н.Н.Поппе (1897–1991), возглавлявший тогда монгольский кабинет Института востоковедения АН СССР [Алпатов, 1996: 36–37]. Н.Н.Поппе определил, что надпись имеет 11 строк. Первые 3 строки писаны арабскими буквами, а остальные восемь — знаками уйгурского алфавита. Первая строка надписи была уверенно интерпретирована как арабская кораническая формула «басмала» [Ислам, 1983: 42]. По поводу чтения второй и третьей арабских строк последовал категоричный вердикт ученого: «прочтены быть не могут» [Поппе, 1940: 187]. Остальные восемь строк надписи, выполненные уйгурицей, Н.Н.Поппе прочитал и перевел с оговоркой, касавшейся трудности прочтения фрагмента текста в конце третьей уйгурской строки. Он констатировал, что выполненные уйгурицей строки писались не на уйгурском языке, а на том «среднеазиатско-тюркском литературном языке», за которым в XV–XVI вв. закрепилось название «чагатайский».

Для того чтобы войти в курс конкретных событий, случившихся во время похода Тимура против Тохтамышша, ученый обратился к описа-

ниям этой кампании, сохранившимся в трудах персидских летописцев XV в. Низамуддина Шами, Шарафуддина Йезди и Абдурраззака Самарканди. О произведениях первых двух авторов Н.Н.Поппе получил представление при содействии научного сотрудника Института востоковедения С.Л.Волина, который переводил на русский язык и обрабатывал выписки из рукописей трудов целого ряда персидских авторов, собранных в 1880 г. в архивах Европы В.Г.Тизенгаузеном для второго тома его «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды». Этот сборник был опубликован только через год после выхода в свет интересующей нас статьи Н.Н.Поппе [Сборник, 1941]. С описанием похода Тимура, выполненным А.Самарканди, Н.Н.Поппе познакомился в старинном французском переводе Ф.Б.Шармуа [Charmoу, 1836: 89–505]. Выполненная Н.Н.Поппе дешифровка надписи Тимура увидела свет в 1940 г. К статье были приложены фотографии общего вида каменной плиты и ее части, содержавшей полный текст надписи [Поппе, 1940: 185–187].

Вторым отечественным исследователем надписи Тимура стал тюрколог-историк А.И.Пономарев (1886–1942) [Пономарев, 1945: 448–450]. Ученый имел в своем распоряжении статью Н.Н.Поппе и свободный доступ к эпиграфическому памятнику, хранившемуся в Эрмитаже. Свою дешифровку он начал с того, что подробно рассказал о внешнем виде надписи: «На одной из сторон этого камня, не носящего на себе никаких следов обработки, на неровной с трещинами плоскости, размером около 80 × 40 см, высечено две надписи: верхняя — из трех строк арабским алфавитом и нижняя — из восьми строк уйгурским алфавитом. Расположение строк уйгурской надписи идет параллельно строкам арабской, т.е. горизонтально, а не вертикально, как ожидалось бы для уйгурского письма. Резьба надписи довольно мелкая, высота строки не выше 1 см, глубина резьбы в пределах 1,5–2 мм. Поэтому мелкие трещины на камне сливаются с буквами и затрудняют чтение. Длина первой строки уйгурской надписи 40 см, расстояние между первой и восьмой строками 18 см» [Пономарев, 1945: 222].

Далее А.И.Пономарев, ничего более не сказав о внешнем виде и содержании трехстрочной арабской надписи, дословно передал дешифровку уйгурской надписи, выполненную Н.Н.Поппе. Затем он внес аргументированные коррективы в чтение и понимание первой, третьей и четвертой строк уйгурской надписи. Подробнее об этой правке мы расскажем ниже. По-видимому, уже в 1941 г. А.И.Пономарев завершил свое исследование. 19 февраля 1942 г. он скончался в блокадном Ленинграде. Статья с его дешифровкой увидела свет в 1945 г. [Пономарев, 1945: 222–224].

Начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война резко изменила судьбу Н.Н.Поппе. На имя ученого в советской печати на многие десятилетия было наложено табу. В статье А.И.Пономарева он фигурировал под обозначениями «автор „Карасакпайской надписи Тимура“» или «издатель». Последнее обстоятельство привело к тому, что в зарубежной научной печати дешифровка А.И.Пономарева прошла незамеченной. В 1943 г. в Турции Зеки Велиди Тоган откликнулся на статью Н.Н.Поппе в заметке «Уйгурская надпись Тимур-бея» [Тоган, 1943: 6]. В 1977 г. Хасан Эрен выполнил полный перевод статьи Н.Н.Поппе на турецкий язык [Рорре, 1977].

II

Обозначая место обнаружения плиты с надписью Тимура, Н.Н.Поппе писал: «Этот памятник, сооруженный в последних числах апреля 1391 г., сохранился и был недавно открыт у горы Алтын Чуку близ Карасакпайского рудника в Казахской ССР» [Поппе, 1940: 185]. А.И.Пономарев уточнил время установки воинами Тимура камня с надписью днем их прибытия к горе Улугтаг (каз. Улытау) — 23 джумада аль-уля 793 г.х. (28 апреля 1391 г.). На основании доступных ему письменных источников [ТКБАН, 1935: 334–335, 346, 655] исследователь выяснил, что рудник назывался не Карасакпайским, а Карсакпайским. Гора Алтынчоку (каз. Алтыншоқы) находилась от рудника на расстоянии более 300 км, к тому же на левом берегу реки Сарысу, а Улугтагский горный массив располагался на правом берегу той реки. В полном недоумении от того, как совместить три названных пункта, ученый писал: «Было бы весьма важно точно определить место находки камня» [Пономарев, 1945: 222].

В наши дни события, связанные с обнаружением плиты с надписью Тимура в Казахстане и последующей транспортировкой ее в Ленинград, восстанавливаются сравнительно легко, ибо главная роль в этих событиях принадлежала выдающемуся казахскому геологу, будущему академику АН СССР К.И.Сатпаеву (1899–1964). О жизни и деятельности К.И.Сатпаева существует обширная литература. На основании материалов документальных книг о нем, написанных А.И.Брагиным [Брагин, 1989] и М.Сарсекеевым [Сарсекеев, 1989], случившееся выглядело следующим образом.

В августе 1935 г. К.И.Сатпаев, служивший тогда начальником геолого-разведочного отдела Карсакпайского комбината, правление которого располагалось в поселке Карсакпай, находился со своим отря-

дом в длительной экспедиции далеко на северо-восток от своей базы. Там геолог поднялся на вершину одной из сопок. Как выяснилось, это была Алтыншока, т.е. Золотая сопка. Здесь К.И.Сатпаев и обнаружил каменную плиту с выбитой на ней надписью Тимура. Коллектор отряда С.А.Рожнов забелил надпись зубным порошком и сфотографировал ее своим «фотокором». Получился контрастный снимок, который К.И.Сатпаев после возвращения из экспедиции отправил письмом в Москву, в Академию наук. Через несколько месяцев в центральных газетах появилась статья об открытии геолога, которая сопровождалась упомянутой фотографией. В последний раз этот снимок был воспроизведен в фотоальбоме, подготовленном к 100-летию со дня рождения К.И.Сатпаева [Сатпаев, 1999].

Осенью 1936 г. на имя К.И.Сатпаева в Карсакпай пришло письмо от директора Эрмитажа И.А.Орбели. Он извещал о решении Академии наук направить в горы Улытау научную экспедицию и сделать плиту с надписью Тимура достоянием Эрмитажа, а также просил указать членам экспедиции местонахождение камня. По телеграмме К.И.Сатпаева в Карсакпай выехали ленинградские востоковеды. Они добрались до Золотой сопки, сняли камень с надписью, довели его до железнодорожной станции Джусалы (к югу от Карсакпая) и поездом доставили эпиграфический памятник в город на Неве, в Эрмитаж.

Так объясняется не вполне адекватное определение к надписи Тимура, данное ей Н.Н.Поппе. Что касается точного места находки камня, то Н.Н.Поппе назвал его достаточно определенно — сопка Алтынчоку. Другое дело, что названная сопка располагалась довольно далеко от горного массива Улугтага, до которого, по уверениям персидских летописцев, войско Тимура добралось весной 1391 г. Чтобы разобраться в действительных или мнимых противоречиях в показаниях персидских авторов Н.Шами и Ш.Йезди, следует их целенаправленно проанализировать.

Проследим маршрут похода Тимура до начала золотоордынских владений применительно к географической карте наших дней. Фактически поход начался еще осенью 1390 г., когда войска Тимура выступили из Самарканда, переправились через Сырдарью и расположились на зимовку в окрестностях Ташкента. 22 января 1391 г. Тимур приказал своим воинам выступить на сборный пункт всей армии, назначенный в некотором удалении к югу от города, который ныне называется Туркестан. Воины покинули Ташкент и, продвигаясь вдоль правого берега Сырдарьи, уже к 21 февраля вышли к месту сбора. Там Тимур устроил общий смотр армии.

Затем воинство продолжило свое движение на северо-запад по широкому коридору, образованному справа отрогами хребта Каратау и слева берегом реки Сырдарьи. Обогнув Каратау, войска двинулись на север. С огромными трудностями они преодолели степь Бет-Пак-Дала (Голодную степь), пески Муюнкум и 6 апреля 1391 г. вышли к левому берегу реки Сарысу. Далее путь армии Тимура пролегал вверх по течению реки. Через некоторое время оказалось, что русло Сарысу начинает заметно поворачивать на восток. Тимур приказал форсировать реку и продолжить движение на север. Выбравшись на правый берег Сарысу, 26 апреля войско оказалось в горной стране, которую ныне геологи называют Казахстанский мелкосопочник. Персидские летописцы именовали ее Кичигдаг (Малые горы). Еще через два дня, 28 апреля, перед глазами путников завиднелся на горизонте горный кряж Улугтага (Великой горы), вздымавший свои утесы на высоту до 1134 м. В планы Тимура не входил штурм вершины Улугтага. Однако появление этого объекта на расстоянии прямой видимости являлось свидетельством того, что армия завоевателей наконец добралась до крайних пределов владений Тохтамыша.

Об Улугтаге как об одной из крайних точек на юго-восточной границе золотоордынских владений нам известно и из русских источников. Освещая события декабря 1388 — марта 1389 г., которые предшествовали карательной экспедиции Тимура против Тохтамыша [Сборник, 1941: 156–158], Рогожский летописец повествует о набеге Тохтамыша на владения Тимура. Золотоордынский хан «воева землю Темиръ Аксакову (так по-тюркски звучало имя Тимурленка) и градъ его далнии повоева, а самого не возможе дойти и възвратися паки въ свои улусъ» [ПСРЛ, 1922: 156–157]. В тот момент, когда Тохтамыш уже покинул свою столицу и двинул ордынское войско на восток, в Сарай прибыл городецкий князь Борис Константинович (1388–1391), намеревавшийся при поддержке хана вернуть себе нижегородский престол. Не застав Тохтамыша в резиденции, Борис бросился догонять хана, «стиже его на пути и иде съ нимъ въ дорогоу 30 дней и потом царь (т.е. Тохтамыш), пощадев его, и уверну его отъ места нарицаемого отъ Оурукътана, и повеле ему безъ себе пребыти и дождати своего пришествия въ Сарае» [ПСРЛ, 1922: 156–157]. В географическом названии Оурукътанъ мы видим несколько искаженное при переписке сложное имя Уругтаг, которое могло произноситься и писаться как Уруктак. Первое слово в этом названии — *урук* — у монголов и тюрок означало «поколение, родня, род, племя» и т.д. [Поппе, 1938: 367; Севортян, 1974: 604–606]. Второе слово — *так* — «гора». Последнюю в нем букву — *к* пере-

писчик русской летописи легко мог спутать с буквой *н*. Один из вариантов русского перевода географического названия Уруктак ~ Уругтаг — «Родовая гора».

В ритуал шаманистского культа предков у Чингис-хана и Чингисидов входил обряд поклонения священным горам. В древности обряд, посвященный культу предков, был одной из важных функций общественной жизни монгольских племен. Его исполнение как бы фиксировало историю рода, пополняло родословные книги, отмечало выдающиеся события, прославляло отличившихся и осуждало недостойных, т.е. публично выражало общественное мнение. Обряд поминовения усопших полагалось проводить весной. Во время этого обряда душам покойных приносилась в жертву пища. При жертвоприношении предкам исполнялись песнопения. Во время песнопений призывались духи предков, которым старейший рода, хранивший все заветы старины, а также следивший за текущими событиями, докладывал о происшедшем за год. Обряд совершался лишь кровными родственниками по отцовской линии. Со временем культ предков у монголов слился с вошедшим в практику ламаизма культом *обо* (монг. *обуца* — «насыпь»). *Обо*, как правило, располагались на возвышенных местах или на горе, откуда открывался вид на всю прилегающую округу. Ламаизированный обряд заменил древние обряды родового общества: место предка занял феодальный правитель [Викторова, 1980: 61–64; Новгородова, 1995: 89–90; Sneath, 1974: 309–318].

Самый ранний рассказ про *обо* на территории Золотой Орды сохранился в описании путешествия польского посла к турецкому султану и крымскому хану Анджея Тарановского. Когда он проезжал на встречу с турецко-татарским войском, осаждавшим Астрахань, то в сентябре 1569 г., в полутора днях пути на восток от Азова, «остановился у вонючей воды. У той воды стоит языческий храм, где татары имели обыкновение приносить в жертву своим богам первородных животных, половину туши сжигая, а другую половину скармливая птицам и зверям. Еще и сейчас там бывает великое множество орлов, сипов, воронов, коршунов и иных разных хищных птиц, которые уже издавна привыкли там жить» [Tardy, Vasary, 1974: 231].

Видимо, священной горой для Джучи и Джучидов являлась гора Улугтаг. Золотоордынскими ханами она почиталась как Родовая гора. Возможно, регулярное поклонение ей в скрытых формах сохранилось и после принятия ордынскими правителями мусульманской веры. Для непосвященных гора оставалась просто Великой. Когда у арабского историка первой половины XIV в. ал-Омари мы читали: «Зимовье ха-

нов Золотой Орды — Сарай, а летнее пребывание их — на горе, называемой Уруктаг» [Сборник, 1884: 221, 243], местонахождение Уруктага было для нас лишь гадательным [Егоров, 1985: 220]. Теперь из контекста рассказа Рогожского летописца становится очевидным, что в сообщении ал-Омари речь шла просто о другом названии горы Улугтаг. Великая гора была ведома средневековой Руси и в другом качестве. В «Книге Большому Чертежу» записано: «Гора Улутова, по нашему Великая гора, а в ней олово» [Книга, 1950: 170]. Там название горы давалось в иной тюркской производительной форме — Улутуа. Что касается залежей в горе «олова», то известно, что издревле это слово воспринималось русскими двояко: 1) «свинец»; 2) «олово» [СРЯ, 1987: 359].

Возвращаемся к рассмотрению маршрута движения армии Тимура после того, как она подошла к Улугтагу. Чтобы осмотреться, Тимур взошел на вершину одной из сопок, высота которой, по сообщению А.Самарканди, составляла 50 гязов [Чагтоу, 1836: 248]. Получается, что при всем разнообразии известных нам размеров среднеазиатского гяза (газа) [Давидович, 1970: 110–116] высота горы, с вершины которой Тимур обозревал окрестности, не превышала 50 м. Последнее обстоятельство не оставляет сомнений в том, что как раз эта возвышенность и называется ныне Алтыншоки, т.е. Золотая сопка. Воодушевленный увиденным, самаркандский правитель отдал приказ о сооружении на вершине сопки памятного знака — каменной пирамиды, на которую была водружена плита с интересующей нас надписью. После завершения этого дела армия Тимура продолжила свое неотвратимое движение на север, постепенно все круче забирая на запад, и уже в середине мая ее авангард перешел реку Тобол в ее верховье. 29 мая 1391 г., спустя месяц после оставления Улугтага, армия Тимура скрытно подтянулась к переправе через реку Урал. Уже совсем близко на западе в низовьях Волги лежал главный город Орды — Сарай, но Тимур замыслил другой стратегический план кампании. На этом мы завершаем рассмотрение маршрута движения войск Тимура от Улугтага (Улытау) до реки Урал.

Результаты рассмотрения всего маршрута от Самарканда до реки Урал [Сборник, 1941: 112–114, 158–163], с привлечением ряда других источников и исследований, привели нас к следующим выводам. Никаких видимых противоречий в показаниях персидских авторов XV в. о походе Тимура против Тохтамышя в 1391 г. не содержится. Гора Улугтаг, носившая и другое название — Уруктаг, являла собой один из крайних юго-восточных пределов владений Тохтамышя. Тимур

водрузил памятный знак, увенчанный плитой с надписью, не на вершине Улугтага, а на вершине одной из сопок в пределах видимости Улугтага.

III

Располагая материалами двух предыдущих дешифровок надписи Тимура отечественными учеными и самой надписью на каменной плите, хранящейся в Государственном Эрмитаже, мы, тюрколог-историколог, тюрколог-лингвист и арабист-филолог, памятуя о том, что «древние надписи обычно не поддаются безошибочной дешифровке с первого раза» [Пономарев, 1945: 223], решили совместными усилиями пересмотреть дешифровки своих предшественников и, возможно, сделать новый шаг на пути познания формы и содержания этого ценного исторического источника.

Пересмотр дешифровок предшественников в общем плане начнем с текста цитаты из рассказа Н.Шаами о приказе Тимура соорудить из камней памятный знак и высечь на нем некий текст. Содержание текста надписи Н.Шаами передал такими словами: «Каменотесам он приказал изобразить на нем высочайшее имя и дату этих дней, дабы на лице времени осталось воспоминание об этом походе» [Пономарев, 1945: 113]. С приведенной цитаты начинались статьи обоих наших предшественников [Поппе, 1940: 185; Пономарев, 1945: 222]. Однако создается впечатление, что и Н.Н.Поппе, и А.И.Пономарев не обратили на слова Н.Шаами особого внимания. Между тем они того заслуживали, ибо, как нам представляется, именно эти слова являлись ключом к пониманию содержания надписи Тимура.

Временно опустив уточнение нашей точки зрения на слова Н.Шаами, вернемся к рассказу А.И.Пономарева о внешнем виде надписи Тимура. К его рассказу следовало бы добавить некоторые наши наблюдения. Надпись из восьми строк буквами уйгурского алфавита выполнена на сравнительно ровной и гладкой прямоугольной плоскости камня. Она занимает практически всю площадь этой поверхности, не оставляя места для расположенной над нею трехстрочной надписи, выполненной буквами арабского алфавита. По своему содержанию уйгурская надпись является самодостаточной, не требующей никаких уточнений. В ней говорится о времени начала похода Тимура, достижении им пределов Золотой Орды, численности воинов, причине их выступления против Тохтамышша, а также о цели устройства кургана с надписью. Три последние строки надписи отведены призывам к богу об оказании им

правосудия и милости к людям страны, подвергшейся нападению. У читателя уйгурской надписи складывается мнение и о высокой квалификации осуществлявшего ее резчика по камню.

Обратив взгляд на арабскую надпись, мы замечаем, что она выполнена на плоскости, которая по отношению к поверхности, где находится уйгурская надпись, располагается под тупым углом, в виде скола на камне. Эта плоскость значительно менее ровная и гладкая, нежели плоскость уйгурской надписи. Исполнить на ней четкую арабскую надпись было гораздо сложнее. Диакритика, т.е. точки над и под арабскими буквами, без которой чтение текста превращается в разгадку сложного ребуса, полностью отсутствует при всех трех строках арабской надписи. Если уйгурская часть надписи Тимура равномерно и красиво выбита в камне, то ее арабская часть лишь неясно процарапана на камне неуверенной рукой не мастера, а подмастерья. Получается, что на камне находятся две разные надписи. Очевидно, что сначала неторопливо выполнялась уйгурская надпись, а затем к ней в спешном порядке была приписана сверху арабская надпись. При этом местоположение добавления свидетельствует о том, что именно ему отводилась главенствующая роль в двуязычном тексте надписи.

Первая строка арабской надписи читается сравнительно легко только потому, что это *басмала*, т.е. формула, которая известна каждому мусульманину. Ее рисунок знаком практически любому человеку, владеющему основами арабского письма. Вторая и третья строки надписи кажутся совершенно недоступными для понимания человека, настроившегося на прочтение именно арабского текста. Что же делать? Остается искать ключ к их прочтению. Мы уже писали, что нашли этот ключ в приведенной выше цитате из летописи Н.Шами. Содержание надписи Тимура, по словам Шами, распределялось на две части. На первом месте надписи находилось «изображение высочайшего имени», на втором — «дата этих дней».

Слова «изображение высочайшего имени» для востоковеда-арабиста наполнены совершенно конкретным содержанием. Речь идет о так называемых «именах Аллаха» (*ал-асмā' ал-хуснā* — «прекрасные имена»), которых всего насчитывается 99. Полный по порядку список имен Аллаха в транслитерации и с комментариями давно известен российским и европейским исламооведам и востоковедам широкого профиля [Gardet, 1960: 714–717]. Поскольку этот список почерпнут из священной книги мусульман — Корана, то, естественно, он с разной степенью полноты с детства знаком и мусульманам всего мира. Об именах Аллаха имели представление не только природные мусульмане

и знатоки арабского языка. Сметливые и любознательные люди, имевшие по роду своей деятельности длительные контакты с мусульманами неарабами и в какой-то степени владевшие их национальными языками, во все времена невольно познавали основы богослужения на арабском языке через своих информаторов, ибо прежде молитвы читались всеми мусульманами исключительно по-арабски, а Коран запрещалось письменно переводить на какой-либо другой язык. Известен поразительный пример, когда тверской купец, совершивший знаменитое «хождение за три моря», Афанасий Никитин, не знавший арабского языка, а говоривший по-тюркски и по-персидски, незадолго до смерти, наступившей в 1475 г., на память процитировал стихи из Корана и привел 31 имя Аллаха без единой ошибки по порядку и достаточно точно [Стеблин-Каменский, 1995: 88–93].

Итак, приступаем к рассмотрению трехстрочной арабской надписи. Первая строка читается: *би-сми-ллāхи-р-рахмāни-р-рахīm* («Во имя Аллаха милостивого, милосердного!»). Вторую и третью строки еще никому не удавалось прочитать по-арабски. Теперь, обладая ключом к их содержанию, мы уверены, что там представлены имена Аллаха. В двух коротких строках надписи этих имен находится значительно меньше, чем 99. Мы знаем также, что в басмале, которая составляет содержание первой строки, уже присутствуют первые три имени: ал-Лāху (Бог), ар-Рахмāну (Милостивый) и ар-Рахīm (Милосердный). Следовательно, теперь остается определить наиболее подходящие по начертанию имена из 96 нам известных, начиная с 4-го — ал-Малику (Владыка) и кончая 99-м — ал-Сабуру (Долготерпеливый).

Перебрав все 96 имен в установленном порядке и в произвольной разбивке, преодолев трудности прочтения слов, от которых на камне остались лишь едва различимые бороздки, мы пришли к убеждению, что вторая и третья строки арабской надписи состоят из воспроизведения некоторых имен Аллаха, начертанных в необычной для Корана последовательности. Форма записи имен также несколько необычна. Начертание каждого отдельного имени коранически безупречно, но от определенного арабского артикля *ал*, который предшествует каждому имени, а на письме всегда состоит из двух букв — *алиф* и *лām*, во-второй и третьей строках арабской надписи при каждом имени осталось только по одной вертикальной черточке, которую можно прочесть как букву *лām*. Получается следующий ряд имен Аллаха, располагавшихся, скорее всего, не в две, а в одну строку, окончание которой вынужденно, по причине недостатка места на плоскости камня, пришлось поместить внизу и слева: *мāлику-л-мулки-л-қуддусу-л-хаққу-л-*

му'мину-л-мухаймину-л-джаббāру-||л-қāдиру-л-ҳакйму-л-мумйту-л-ҳаййу.
 Вся эта длинная строка в написании выглядит как транскрипция потока арабской речи. Именно так она и читается.

Первое имя состоит из двух слов — Мāлику ал-мулки (Владыка сущего), а все другие — из одного слова: ал-Қуддусу (Святейший), ал-Ҳаққу (Истина), ал-Му'мину (Защитник), ал-Мухаймину (Неусыпный), ал-Джаббāру (Всемогущий), ал-Қāдиру (Всесильный), ал-Ҳакйму (Премудрый), ал-Мумйту (Даритель смерти), ал-Ҳаййу (Вечно живой). Каждое из десяти приведенных имен Аллаха имеет свой закрепленный коранической традицией номер. В строке представлен следующий числовой ряд этих номеров: 84, 5, 52, 7, 8, 10, 69, 47, 62, 63.

О чем говорит этот числовой ряд исследователю? Прежде всего о том, что имена Аллаха располагаются в строке не по порядку, а в какой-то другой последовательности, определенной ее неизвестным автором. Мы полагаем, что автор, прекрасно знавший весь список из 99 имен Аллаха, последовательно подбирал в строку имена по скрытому в них содержанию, добиваясь того, чтобы нетрадиционное расположение значимых имен создавало в воображении читателя новые смысловые связи между словами, обозначавшими эти имена и слагавшими новые варианты «изображений высочайшего имени». Первое имя в строке («Владыка сущего») уже само по себе являлось словосочетанием и потому не требовало к себе пары. Зато сочетание 5-го и 52-го имен давало новую смысловую пару — «Святылище истины». Сочетание 7-го и 8-го имен означало «Неусыпный защитник». Сочетание 10-го и 69-го имен взаимно усиливало впечатление несокрушимой мощи «Всесильный и Всемогущий». Три последних имени (47-е, 62-е и 63-е) создавали новую смысловую цепочку — «Премудрый даритель жизни и смерти».

Так из десяти имен Аллаха получилось пять «изображений высочайшего имени», которые составили ранее неизвестный смысловой ряд, отражавший, по представлению автора строки, конкретную ситуацию предстоявшего войску Тимура в 1391 г. карательного похода «в защиту правой веры»: «Владыка сущего, Святылище истины, Неусыпный защитник, Всесильный и всемогущий, Премудрый даритель жизни и смерти». Можно уверенно сказать, что мастерство составителя второй и третьей строк арабской надписи значительно превышало камнерезную технику человека, который исполнял эту работу.

Переходим к рассмотрению восьмистрочного чагатайского блока надписи Тимура, выполненного буквами уйгурского алфавита. Нам известен ключ к содержанию двуязычной надписи Тимура, подаренный ее возможным читателям Низамудином Шами. Только благодаря на-

лично этого ключа удалось уверенно прочитать арабскую часть надписи, содержащую «изображение высочайшего имени». Остается уточнить в чагатайском блоке надписи «дату этих дней», т.е. обозначение времени начала похода Тимура против Тохтамыша. Известно, что такие официальные документы, как золотоордынские ярлыки, со второй половины XIV в., как правило, писались по-тюркски буквами уйгурского алфавита. Документальным подтверждением тому служат сохранившийся только в старинном русском переводе ярлык Мухаммеда Бюлека от 1379 г. [Григорьев, 2001: 153–254], дошедший до наших дней в подлиннике ярлык Тохтамыша от 1393 г. и копия текста ярлыка Тимур-Кутлука от 1398 г. [Радлов, 1889: 1–40]. Названные ордынские ханы, как и Тимур, являлись мусульманами. Их ярлыки датировались обозначением числа года по мусульманской хиджре. Такому обозначению всегда предшествовало арабское слово *тарих*, т.е. «дата», которое востоковеды при передаче его на другой язык обычно вообще не переводили либо передавали словом «летосчисление». Именно слово *тарих* должно обнаружиться в тексте уйгурской части надписи Тимура перед числом года. Только тогда можно убедиться, что слова Н.Шама о содержании надписи в целом действительно являются ключом к ее пониманию.

Анализ уйгурского блока надписи начинаем с его первой строки. Н.Н.Поппе транскрибировал ее следующим образом: *qara yeti yüz toqmaq oran-da qoi* («В стране семисот черных Токмак, овцы») [Поппе, 1940: 185–186]. Эта непонятная фраза от ее начала до слова *qoi* была прочитана А.И.Пономаревым по-другому: *tariq yeti yüz toqsan üçn-dä* («В лето семьсот девяносто третье») [Пономарев, 1945: 223–224]. Очень удачно для данного случая передав термин *тарих* выражением «в лето», А.И.Пономарев своим пониманием текста строки, сам того не ведая, во-первых, подтвердил наше предположение о том, что отмеченный текст Н.Шама является ключом к пониманию надписи в целом. Во-вторых, он избавил нас от необходимости комментировать неудачное чтение строки у Н.Н.Поппе. Наше личное знакомство с текстом строки подтверждает правильность ее прочтения А.И.Пономаревым. Его перевод мы полностью принимаем. После выхода в свет в 1969 г. коллективного труда отечественных тюркологов — «Древнетюркского словаря» [ДТС, 1969] тюркские тексты золотоордынского периода принято транскрибировать, используя систему графической передачи языкового материала в названном словаре. Так что транскрипция первой строки уйгурской надписи выглядит теперь так: *tariq jeti jüz toqsan üçintä qoj*.

Вторую строку Н.Н.Поппе транскрибировал следующим образом: *yıl yaz-niñ ara ai turan-niñ sultan-i*. С учетом последнего слова первой строки исследователь перевел ее: «в год овцы, в средний весенний месяц султан Турана» [Поппе, 1940: 185–186]. А.И.Пономарев согласился с чтением своего предшественника, указав при этом, что слово *ara* («средний») читается неуверенно, хотя оно и «наиболее подходящее» по контексту [Пономарев, 1945: 224]. Принимая чтение того и другого, мы транскрибируем текст второй строки по-новому: *jıl jazniñ ara aj turanniñ sultani*.

Третья строка была прочитана Н.Н.Поппе так: *temür beg iki yüz miñ çerig bil-e ism-i üçün toqtamiş qan(?)-niñ(?)* («Тимур бег с двумястами тысяч войска, имени своего ради, Тохтамыш хана») [Поппе, 1940: 185–186]. А.И.Пономарев усомнился в правильности чтения первого числительного как *iki* («две»), посчитав, что скорее его нужно читать — *üç* («три»). Чтение *ism-i* («имени своего») ученый решительно отверг. Взамен он не очень уверенно предложил читать это слово как *islam* («ислам»). Последнее слово строки, прочитанное Н.Н.Поппе под знаком вопроса как титул *qan* («хан») с аффиксом родительного падежа, т.е. «хана», А.И.Пономарев уверенно прочитал на впадине камня как два отдельных слова *qan* (начертано собственно *qani* — явная описка) и *bulyar* («булгар») [Пономарев, 1945: 224]. Мы полностью согласились с приведенными поправками А.И.Пономарева. При этом слово *islam* мы прочитали вполне уверенно. Новая транскрипция текста строки: *temür beg üç jüz miñ çerig bilä islam üçün toqtamiş qan bulyar*.

Четвертая строка в транскрипции Н.Н.Поппе: *qani-ya yoridi bu yer-ge yetip belgü bolsun tep* («по кровь шел. Достигнув этой местности, дабы он был знаком») [Поппе, 1940: 185–186]. А.И.Пономарев, после того как исправил чтение Н.Н.Поппе двух последних слов в третьей строке, отверг понимание своим предшественником первого слова в четвертой строке как «по кровь». Конец третьей и начало четвертой строк стало восприниматься А.И.Пономаревым как «против хана Булгарии, Тохтамыш-хана» [Пономарев, 1945: 224]. Согласившись здесь с поправкой А.И.Пономарева, далее мы разделяем мнение наших предшественников относительно чтения концовки строки. Новая транскрипция текста строки: *qaniqa joridi bu jerkä jetip belgü bolzun tip*.

На втором слове четвертой строки заканчивается первое предложение уйгурского комплекса надписи. Мы переводим его следующим образом: «Лета семьсот девяносто третьего, в средний месяц весны года овцы, султан Турана Тимур-бек поднялся с тремя сотнями тысяч войска за ислам на булгарского хана Тохтамыш-хана». Такой перевод

представляется более точным, чем у наших предшественников. Во-первых, Тимур со своим войском именно «поднялся», а не «шел» на Тохтамыш в указанное время, ибо он восстал на защиту ислама, т.е. конкретно «за ислам», а не «ради» него. Наш перевод основывается на принятых значениях глагола *jori-* [ДТС, 1969: 274] и послелога *išün* [Севортян, 1978: 642–643]. Во-вторых, если Тимур называется здесь «султаном Турана», то Тохтамыш именуется не «ханом Булгарии» (как полагал А.И.Пономарев), а «булгарским ханом», ибо в данном случае в тексте наблюдается противопоставление значений определительных словосочетаний изафет III (*turanniñ sultani*) и изафет II (*bulğar qanı*) [СИГТЯ, 1986: 262–263].

Исторический комментарий к первому предложению уйгурского блока ограничим двумя моментами.

Во-первых, необходимо уточнить время начала похода, заявленное Тимуром в его надписи. Обозначенный там 793 год мусульманской хиджры начинался 9 декабря 1390 г. и заканчивался 28 ноября 1391 г. [Цыбульский, 1964: 72–73]. Для уточнения времени начала кампании эта констатация указывает на год похода — 1391. Далее в надписи интересующее нас точное время приводится по системе, издревле принятой у монголов. По 12-летнему животному циклу год овцы в 1391 г. приходился на 5 февраля 1391 г. — 24 января 1392 г. Его средний месяц весны начинался 6 марта и заканчивался 4 апреля 1391 г. [Цыбульский, 1987: 274]. Как мы уже знаем, персидские летописцы сообщали, что войско Тимура подошло к берегу пограничной для владений Золотой Орды реки Сарысу 6 апреля 1391 г. Получается, что Тимур приблизился к пределам владений Тохтамыша не в последний день среднего месяца весны года овцы, а на два дня позже закрепленного в летописной традиции срока. Это кажущееся несоответствие устраняется, если вспомнить, что даты новолуний, т.е. моменты начала первого дня каждого года по животному циклу, точны по таблицам В.В.Цыбульского только для календарей стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Как отмечал сам составитель синхронистических таблиц, «для мусульманских стран Западной Азии и Северной Африки, где распространен календарь лунной хиджры, даты новолуний будут на 1–2 дня позже, так как за точку отсчета в этих странах принято не астрономическое новолуние, а неомения» [Цыбульский, 1987: 14, примеч. 7]. Иными словами, можно утверждать, что в надписи Тимура в качестве точной даты начала похода заявлено 6 апреля 1391 г. Мы уже писали о том, когда и как начиналась карательная экспедиция Тимура в действительности.

Во-вторых, при чтении заново переведенного предложения возникает один недоуменный вопрос. Причина выступления Тимура против Тохтамыша объясняется в нем кратко, но определенно — «за ислам». При чем здесь ислам? Ведь Тохтамыш, как и Тимур, был мусульманином. Зачем же Тимуру было выступать против него на защиту правой веры? Это недоумение объясняется довольно просто. Тимур, не принадлежавший к роду Чингисидов, формально никогда не называл себя ханом. Он правил от имени подставных ханов, потомков сына Чингис-хана — Угедея. В официальную пышную титулатуру этих ханов входило и звание «царь ислама». После того как Тохтамыш опустошил окраины владений Тимура, последний выступил против него под девизом «защиты ислама», получив на этот поход ярлык своего номинального повелителя — «царя ислама» хана Махмуда [Сборник, 1941: 112].

Пятая строка в транскрипции Н.Н.Поппе: *bu oba-ni qopardi* («он воздвиг этот курган») [Поппе, 1940: 185–186]. Такое чтение принято А.И.Пономаревым [Пономарев, 1945: 223] и нами. Новая транскрипция текста строки: *bu obani qopardi*. Этой строкой заканчивается второе предложение уйгурской надписи. В связи с тем что начало данного предложения находится на четвертой строке, представляем транскрипцию его полного текста: *bu jerkä jetip belgü bolzun tip bu obani qopardi*. Перевод его мы сохраняем прежний: «Достигнув этой местности, он возвел этот курган, чтобы был памятный знак».

Для слова *oba* мы оставили в переводе значение, принятое нашими предшественниками, — «курган». Слово *oba* происходит от монгольского *обо* (специальная груда из грубых камней в функции межевого знака, вежи или монумента, где производятся религиозные церемонии в честь духа местности) [Севортян, 1974: 398–400]. Н.Шаами так и писал, что Тимур «приказал, чтобы все воины принесли камни и построили там высокий знак» [Сборник, 1941: 113]. Вспомним, что в надписи Тимура число его воинов определяется в 300 тысяч человек. Это число, конечно, явно завышено, но в любом случае воинов было много и курган они возвели солидный. В августе 1935 г. К.И.Сатпаев обнаружил на вершине Золотой сопки сначала громадную плавильную печь, сложенную из грубых камней и предназначенную, скорее всего, для вытапливания свинца из руды. Потом уже геолог заметил отдельно лежащий камень с надписью Тимура. Так позднейшие рудознатцы использовали материал, слагавший древний курган — *обо*, но сохранили для будущих поколений надпись Тимура. Основное значение слова *belgü* — «знак» [Севортян, 1978: 108–111]. Поскольку Н.Шаами специально отмечал: «Каменотесам он (Тимур) приказал изобразить

на нем высочайшее имя и дату этих дней, дабы на лице времени осталось воспоминание об этом походе» [Сборник, 1941: 113], мы позволили себе уточнить в переводе основное значение — «знак» определением «памятный».

Шестая строка в транскрипции Н.Н.Поппе: *tjri nısfat bergej inřall-a* («Бог да окажет правосудие! Если Богу будет угодно!») [Поппе, 1940: 186]. А.И.Пономарев [Пономарев, 1945: 223] и мы читаем строку так же. Новая транскрипция текста строки: *täjri nısfät bergäj inřala*. Мы бы не расчленили текст строки на два отдельных фрагмента, а перевели его как единое целое: «Даст Бог, Господь да свершит правосудие!»

Седьмая строка в транскрипции Н.Н.Поппе: *tjri il kiři-ge raxmat qılıyai biz-ni duu-a bil-e* («Бог да окажет милосердие людям! О нас с благословением») [Поппе, 1940: 186]. А.И.Пономарев [Пономарев, 1945: 223] и мы разделяем это чтение. Новая транскрипция текста строки: *täjri il kiřiğä raqmat qılqaj bizni duu-a bilä*.

Первые пять слов строки составляют отдельное предложение, которое мы намерены перевести более точно. В предыдущем предложении предполагается, что Бог свершит свое правосудие в предстоящем столкновении сторон. В данном предложении той же высшей силе предлагается оказать *raqmat* (араб. «милость») людям. Возникает вопрос — каким людям? Ответ на него содержится в слове *il*, которое осталось непереведенным нашими предшественниками. Это слово употребляется тюрками во многих значениях. В частности, оно обозначает и «народ», и «страну» [Севортян, 1974: 339–343]. Слова *il kiři* мы воспринимаем не как парный синоним, а как определительное словосочетание изафет I [СИГТЯ, 1986: 201] — «люди страны». О какой стране здесь идет речь? Конечно, о той, границ которой только что достигли воины Тимура, т.е. о Золотой Орде. Что же, Тимур предлагает Господу помиловать всех своих противников? Нет, он взывает к божественному правосудию, когда в итоге каждый обязательно получит по делам своим. Вспомним арабские строки надписи Тимура, где последнее сочетание из трех имен Аллаха составило новую смысловую цепочку — «Премудрый даритель жизни и смерти». Именно на эту дилемму намекает Тимур в своем призыве к Богу оказать милость «людям страны». Наш перевод всего предложения: «Господь да окажет милость людям страны!»

Восьмая, последняя в уйгурском блоке строка в транскрипции Н.Н.Поппе: *yad qılıyai* («да вспомнит!») [Поппе, 1940: 186]. Так же читаем эту концовку последнего предложения А.И.Пономарев [Пономарев, 1945: 223] и мы. Новая транскрипция текста строки: *yad qılqaj*.

В полном виде транскрипция последнего предложения выглядит следующим образом: *bizni duu-a bilä jad qılqaj*.

Наши предшественники давали такой перевод всего предложения: «Да вспомнит о нас с благословением!» Этот, казалось бы, безупречный по форме перевод вызывает ряд недоуменных вопросов по своему содержанию. Прежде всего, кому предлагалось вспомнить «о нас» — Богу? Скорее всего, Н.Н.Поппе именно так понимал данный текст. Потому и арабское слово *duu-a*, которое обычно воспринимается как «молитва», он заменил в переводе словом «благословение». Нам такая замена и все понимание содержания фразы представляются неправомерными. Несомненное косвенное обращение к Богу содержится в двух предыдущих предложениях надписи Тимура. Их форма и содержание недвусмысленны. Слово *täñri* («бог») поставлено там в обоих случаях на первое место, а здесь оно вообще отсутствует.

Вспомним содержание предыдущего предложения, где высказано пожелание, дабы Господь оказал милость населению Золотой Орды. Предполагалось, что при этом понесли бы наказание люди, виновные в нанесении ущерба «царю ислама», а основная масса населения страны не пострадала. Мало того, известно, что тогда в составе войска Тимура в походе принимали участие кровный родственник и соперник Тохтамыша Тимур-Кутлук и князь из рода мангыт Едигей [Сборник, 1941: 159]. Видимо, уже в той кампании Тимур планировал сместить Тохтамыша с ордынского трона, заменив его Тимур-Кутлуком. В помощники новому хану, главой его правительства, предполагалось назначить Едигея. В 1395 г., когда Тохтамыш был наголову разбит Тимуром, именно так и произошло. Тимур-Кутлук стал ордынским ханом (1395–1401), а Едигей — улугбеком в его правительстве.

Иными словами, широкомасштабные карательные действия по отношению к населению Золотой Орды в 1391 г. Тимуром не предусматривались. После реализации его стратегического плана возглавляемые Тимуром иноземные войска были бы выведены из страны, во главе которой остались бы верные Тимуру и нечуждые местному населению люди. При таких условиях самаркандский властитель мог рассчитывать на благодарную память о нем и его воинах со стороны «людей страны». Именно такую мысль, по нашему мнению, и выражает последнее предложение надписи Тимура, которое мы переводим так: «Да помянут они нас молитвой!»

Существуют ли формальные препятствия для предложенного нами понимания? В двух предыдущих предложениях глагол *qıl-* («поступать каким-либо образом»), как и в нашем случае, употреблен в финитной

Транскрипция текста двуязычной надписи Тимура:

1. би-сми-ллāхи-р-раҳмāни-р-раҳїм
2. мāлику-л-мулки-л-қуддусу-л-ҳаққу-л-му'мину-л-мухаймину-л-
джаббāру-
3. л-қāдиру-л-ҳакїму-л-мумїту-л-ҳайїу
4. tarīq jeti jüz toqsan üčintā qoj
5. jil jaznīñ ara aj turannīñ sultanī
6. temür beg üč jüz miñ čerig bilā islam üčün toqtamış qan bulyar
7. qanıqa jorīdi bu jerkā jetip belgü bolzun tip
8. bu obanī qopardī
9. täñri nısfāt bergāj inšala
10. täñri il kišigā raqmat qılqaj bizni duu-a bilā
11. jad qılqaj

Русский перевод двуязычной надписи Тимура:

«Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного! Владыка сущего, Святителище истины, Неусыпный защитник, Всесильный и Всемогущий, Премудрый даритель жизни и смерти!

Лета семьсот девяносто третьего, в средний месяц весны года овцы (6 апреля 1391 г.), султан Турана Тимур-бек поднялся с тремя сотнями тысяч войска за ислам на болгарского хана Тохтамыш-хана. Достигнув этой местности, он возвел этот курган, чтобы был памятный знак.

Даст бог, Господь да свершит правосудие! Господь да окажет милость людям страны! Да помянут они нас молитвой!»

Алпатов, 1996 — *Алпатов В.М.* Николай — Николас Поппе. М., 1996.

АМ, 1972 — Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972.

Брагин, 1989 — *Брагин А.И.* Первый академик. А.-А., 1989.

Викторова, 1980 — *Викторова Л.Л.* Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.

Григорьев, 2001 — *Григорьев А.П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2001.

Давидович, 1970 — *Давидович Е.А.* Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970.

ДТС, 1969 — Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Егоров, 1985 — *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

Ислам, 1983 — Ислам: Краткий справочник. М., 1983.

Книга, 1950 — Книга Большому Чертежу / Подготовка к печати и редакция К.Н.Сербиной. М.; Л., 1950.

- Новгородова, 1995 — *Новгородова Э.А.* Древнейшие культы в Монголии сегодня: По материалам экспедиции летом 1993 г. // Владимирцовские чтения – III: Докл. и тезисы Всерос. науч. конф. / Отв. ред. В.М.Солнцев. М., 1995. С. 89–90.
- Пономарев, 1945 — *Пономарев А.И.* Поправки к чтению «надписи Тимура» // Советское востоковедение. М.; Л., 1945. Т. 3. С. 222–224.
- Поппе, 1938 — *Поппе Н.Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. М.; Л., 1938.
- Поппе, 1940 — *Поппе Н.Н.* Карасакпайская надпись Тимура // Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа. Л., 1940. Т. 2. С. 185–187.
- ПСРЛ, 1922 — Полное собрание русских летописей. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 156–157.
- Радлов, 1889 — *Радлов В.В.* Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. СПб., 1889. Т. 3. С. 1–40.
- Сарсекеев, 1989 — *Сарсекеев М.* Сатпаев / Авторизированный пер. с казахского С.Плеханова. А.-А., 1989.
- Сатпаев, 1999 — Академик Каныш Сатпаев: Фотоальбом. Алматы, 1999.
- Сборник, 1884 — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / Извлечения из сочинений арабских, собранные В.Г.Тизенгаузеном. СПб., 1884.
- Сборник, 1941 — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. М.; Л., 1941. Т. 2.
- Севортян, 1974 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.
- Севортян, 1978 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978.
- СИГТЯ, 1986 — *Серебрянников Б.А., Гаджиева Н.З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1986.
- СРЯ, 1987 — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. Д.Н.Шмелев. М., 1987. Вып. 12.
- Стеблин-Каменский, 1995 — *Стеблин-Каменский И.М.* Кому молился и что пил Афанасий Никитин в Индии // Русская литература. 1995. № 3. С. 88–93.
- ТКБАН, 1935 — Большой Джекказган // Труды Казакстанской базы АН СССР / Отв. ред. В.А.Бессонов. Л.; М., 1935. Вып. 7.
- Цыбульский, 1964 — *Цыбульский В.В.* Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока: Синхронистические таблицы и пояснения. М., 1964. С. 72–73.
- Цыбульский, 1987 — *Цыбульский В.В.* Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии с переводом на данные европейского календаря (с 1 по 2019 г. н.э.). М., 1987. С. 274.
- Charmoy, 1836 — *Charmoy F.B.* Expédition de Timoûr-i-lenk ou Tamerlan contre Toqtamishe, khân de l'ouloûs de Djoûtchy, en 793 de l'hégire ou 1391 de notre ère // Mémoires de l'Académie Imp. des sciences de St.-Pétersbourg. VI ser. St.-Pbg., 1836. Т. 3. Р. 89–505.

-
- Gardet, 1960 — *Gardet L.* al-Asmā' al-Ḥusnā // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Leiden; London, 1960. Vol. 1. P. 714–717.
- Poppe, 1977 — *Poppe N.N.* Timur'ın Karasakpay Kitabı // Dünya edebiyatından seçmeler. 1977. No. 4. S. 30–31.
- Sneath, 1974 — *Sneath D.* The Obo Ceremony in Inner Mongolia: Cultural Meaning and Social Practice // Altaic Religious Beliefs and Practices. Proceedings of the 33rd Meeting of the Permanent International Altaistic Conference. Budapest, 1992. P. 309–318.
- Tardy, Vásáry, 1974 — *Tardy L., Vásáry I.* Andrzej Taranowskis Bericht über seine Gesandtschaftsreise in der Tartarei (1569) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1974. T. 28. Fasc. 2. P. 231.
- Togan, 1943 — *Togan Z.V.* Temur Beyin Uygurca bir Kitabı // Çınaraltı. Dilde, fikirde, işde birlik. 1943. T. 5. No. 117.